

УДК – 342
ББК – 67

БОБРОВ Виталий Константинович,
профессор кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

СМИРНОВА Александра Викторовна,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

12.00.02 – конституционное право; муниципальное право

РОЛЬ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ В СТАНОВЛЕНИИ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО СТАТУСА ЛИЦА, В ОТНОШЕНИИ КОТОРОГО ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ ПРОИЗВОДСТВО О ПРИМЕНЕНИИ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА

Аннотация. Одной из актуальных проблем является проблема совершенствования института применения принудительных мер медицинского характера и, в частности, проблема становления и развития процессуального статуса лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера. Значительную роль в разрешении этой проблемы сыграло Постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П [2], которое стало предметом анализа в данной статье.

Ключевые слова: принудительные меры медицинского характера (ПММХ); лицо, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ; психическое расстройство лица; права и законные интересы лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ.

BOBROV Vitaly Konstantinovich,
professor of department of criminal trial
Moscow university Ministry of Internal Affairs
of Russia of V. Ya. Kikot

SMIRNOVA Aleksandra Viktorovna,
graduated in a military academy of department of
criminal trial Moscow university Ministry of Internal
Affairs of Russia of V. Ya. Kikot

ROLE OF THE CONSTITUTIONAL COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION IN FORMATION OF THE PROCEDURAL STATUS OF THE PERSON CONCERNING WHICH PRODUCTION IS CARRIED OUT ABOUT APPLICATION OF COERCIVE MEASURES OF MEDICAL CHARACTER

Summary. One of actual problems is the problem of enhancement of institute of application of coercive measures of medical character and, in particular, a problem of formation and development of the procedural status of the person concerning which production about application of coercive measures of medical character is carried. The significant role the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 20, 2007 played No. 13-P [2] which became a subject of the analysis in this article in permission of this problem.

Keywords: coercive measures of medical character (CMMC); the person concerning whom production about application of PMMH is carried; mental disorder of the person; the rights and legitimate interests of the person concerning whom production about application of PMMH is carried.

В соответствии со ст. 19 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) уголовной ответственности подлежат только вменяемые лица, достигшие возраста, установленного УК РФ.

Вместе с тем запрещенные уголовным законом деяния нередко совершаются лицами в состоянии невменяемости или лицами, у которых после совершения преступления наступает психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение. Такие лица не исключаются из числа субъектов уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений. Однако вопрос об их уголовной ответственности и наказании в отношении них, как правило, не ставится. Когда психическое состояние таких лиц связано с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для них самих или других лиц, к ним на основании судебного решения могут быть применены принудительные меры медицинского характера (далее – ПММХ).

В настоящее время правовые вопросы, связанные с производством о применении ПММХ, закреплены в гл. 15 УК РФ и гл. 51 УПК РФ. Процедура производства применения ПММХ постоянно развивается, совершенствуется с точки зрения ее правового регулирования, приведения в соответствие с международными стандартами, направленными на защиту прав и основных свобод применительно к лицам, страдающим психическими расстройствами.

Вместе с тем рассматриваемая процедура имеет ряд проблем, требующих научного осмысления и выработки на этой основе предложений по совершенствованию ее правового регулирования, правоприменительной практики.

В их числе проблема о процессуальном статусе лица, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ и обеспечении его прав и законных интересов на стадии предварительного расследования.

К сожалению, на протяжении длительного времени лица, страдающие психическими расстройствами, в отношении которых велось производство о применении ПММХ, участниками уголовного судопроизводства не являлись и никакими правами, которые

позволяли бы им лично защищать свои интересы в уголовном процессе, не наделялись.

В частности, эти лица не были упомянуты в числе субъектов уголовного процесса, которым разъясняется право знакомиться с материалами уголовного дела, которые уведомляются о прекращении уголовного дела или о направлении его в суд для применения ПММХ с вручением копий соответствующих постановлений и которые наделяются правом участвовать в судебном заседании при рассмотрении дела (ч. 3 и 6 ст. 439, ст. 441 УПК РФ). Они не были включены в число лиц, имеющих право обжаловать судебные решения (ст. 402 и 444 УПК РФ), инициировать прекращение или изменение ПММХ (ч. 1 ст. 445 УПК РФ). Обеспечение процессуальных интересов этой категории лиц возлагалось на их законных представителей и защитников (ст. 437, 438 УПК РФ).

В правоприменительной практике эти изъятия из общего производства по уголовному делу в отношении рассматриваемой категории лиц толковались как изъятия из процессуального статуса, исключающие возможность лично участвовать в производстве по уголовному делу и самостоятельно реализовывать свои процессуальные права.

В связи с жалобами ряда граждан в ноябре 2007 г. Конституционный Суд РФ провел проверку конституционности вышеуказанных статей УПК РФ, которые в своей совокупности определяли процессуальный статус лица, в отношении которого осуществляется производство о применении ПММХ. В соответствии с указанным выше Постановлением от 27 ноября 2007 г. № 13-П Суд признал их не соответствующими Конституции РФ, поскольку они не только не определяли процессуальный статус данного лица, но и, после получения результатов судебно-психиатрической экспертизы, подтверждающих наличие у него психического заболевания, полностью исключали его из числа участников уголовного процесса.

Конституционный Суд РФ в постановлении еще раз подчеркнул, что Конституция РФ провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью. Неотчуждаемость основных прав и свобод, их принадлежность каждому предполагает недопустимость какого бы то ни было их умаления и

ограничения, в том числе, в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами.

Данные положения Конституции РФ полностью корреспондируют положениям общепризнанных принципов и норм международного права применительно к психически больным лицам. К числу таких документов относятся Международный пакт о гражданских и политических правах (1966 г.), Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), Принципы защиты психически больных лиц и улучшения психиатрической помощи (1991 г.) и др. В них красной нитью проводится идея о том, что в отношении лиц, страдающих психическими заболеваниями, если они совершили запрещенные уголовным законом деяния, общие принципы защиты подлежат применению в полном объеме.

Следует заметить, что с названными положениями международных актов, Конституции РФ соотносятся предписания ряда национальных законодательных актов.

Так, Законом РФ от 2 июня 1992 г. «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [1] предписано, что лица, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами граждан, предусмотренными Конституцией РФ и федеральными законами. Ограничение их прав и свобод допустимо лишь в случаях, предусмотренных законами РФ.

Такое же регулирование предусмотрено для решения вопросов в гражданском судопроизводстве в отношении граждан, имеющих проблемы с психическим состоянием. Они являются самостоятельными участниками гражданского процесса, наделенными широким кругом прав, правомочными лично обращаться за судебной защитой своих прав и интересов и активно их отстаивать (ст. 284, 304, 336, 376 ГПК РФ).

И только в уголовно-процессуальном законодательстве на тот период, когда было принято вышеуказанное Постановление № 13-П Конституционного Суда РФ, процессуальное положение лица, в отношении которого велось производство о применении ПММХ, должным образом не было урегулировано, они были полностью лишены прав и способности самостоятельно защищать свои интересы.

Вместе с тем, как вытекает из правовой позиции Конституционного суда РФ, сфор-

мулированной в 2000 г., при обеспечении процессуальных гарантий лицам, чьи права и законные интересы затрагиваются в ходе уголовного судопроизводства, необходимо исходить не только из формального наделения их соответствующим процессуальным статусом, но и, прежде всего, из сущности признаков, характеризующих их фактическое положение [3].

По своему фактическому положению лицо, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, как подчеркивает Конституционный Суд РФ, может быть приравнено к подозреваемому и обвиняемому, поскольку оно, так же как и указанные участники уголовного судопроизводства, по существу, уличается в совершении деяния, запрещенного уголовным законом. Данному лицу, хотя оно и не привлекается к уголовной ответственности, должны обеспечиваться равные с другими лицами, в отношении которых осуществляется преследование, процессуальные права [4,5].

Несмотря на очевидный правовой пробел, касающийся процессуального статуса лица с психическими заболеваниями в производстве о применении ПММХ, законодатель сделал попытку его устранить только спустя три года после принятия Конституционным Судом РФ цитируемого Постановления от 21 ноября 2007 г. № 13-П.

Федеральным законом от 29.11.2010 г. № 323-ФЗ (в редакции ФЗ от 29.10.2010 г. № 323-ФЗ от 25.11.2013 г. № 317) «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» были внесены изменения в редакцию ст. 437 «Участие лица, в отношении которого ведется производство и применении принудительных мер медицинского характера, и его законного представителя» (до этого называлась «Участие законного представителя»).

Анализ новой редакции ст. 437 УПК РФ (применительно к правовому положению лица рассматриваемой категории) позволяет сформулировать ряд принципиальных положений:

1. Лицо, в отношении которого ведется производство по правилам гл. 51 УПК РФ, не является ни подозреваемым, ни обвиняемым. Оно приобрело статус самостоятельного участника уголовного судопроизводства – «лица, в отношении которого ве-

дется производство о применении принудительных мер медицинского характера».

2. Данному лицу принадлежат права, предусмотренные ст. 46 и 47 УПК РФ, которые он вправе лично осуществлять, если его психическое состояние этому не препятствует.

Как представляется, данное решение законодателя является серьезным шагом на пути гуманизации уголовного судопроизводства, защиты прав и законных интересов лиц с психическими расстройствами, вовлекаемых в сферу уголовного процесса.

Вместе с тем рассматриваемое решение законодателя о процессуальном статусе указанных лиц нельзя признать безупречным. Оно довольно противоречиво, непоследовательно, в какой-то мере носит постановочный характер, что не исключает неправильной трактовки как в теории, так и на практике некоторых положений, вытекающих из новой редакции ст. 437 УПК РФ. К числу проблемных вопросов можно отнести следующие:

- в каком соотношении находятся такие участники, как лицо, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ, а также подозреваемый и обвиняемый;

- все ли права, которыми наделяются подозреваемый и обвиняемый, принадлежат и лицу, в отношении которого ведется производство о применении ПММХ;

- несет ли какие-либо обязанности лицо, в отношении которого ведется производство о ПММХ;

- каким образом могут быть реализованы самим лицом рассматриваемой категории предоставленные ему права;

- каков механизм обеспечения прав и законных интересов лиц рассматриваемой категории в стадии предварительного расследования;

- какова в этом роль следователя, прокурора, суда, законного представителя, защитника и другие вопросы.

Все эти обстоятельства делают настоятельной необходимостью проведения научного исследования проблем процессуального статуса нового участника уголовного судопроизводства, каковым является лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера.

Список литературы

[1] Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 20 ноября 2007 г. № 13-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 402, 433, 437, 438, 439, 441 и 445 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан С.Г. Абламского, О.Б. Лобашовой и В.К. Матвеева // Собрание законодательства. 2007. № 22. Ст. 2686.

[3] Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гр. В. И. Маслова» // Собрание законодательства РФ. 2000. № 27. Ст. 2882.

[4] Гришин А.В. Особенности допроса эксперта в суде // Евразийская адвокатура. 2015. № 1 (14). - С. 26-30.

[5] Тарасов А.А. К вопросу о процессуальном статусе лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование // Евразийская адвокатура. 2015. № 2 (15). - С. 32-41.

Spisok literatury

[1] Zakon RF ot 2 iyulya 1992 g. № 3185-1 «O psixiatricheskoj pomoshhi i garantiyax prav grazhdan pri ee okazanii».

[2] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda RF ot 20 noyabrya 2007 g. № 13-P «Po delu o proverke konstitucionnosti ryada polozhenij statej 402, 433, 437, 438, 439, 441 i 445 Ugolovno-processual'nogo kodeksa Rossijskoj Federacii v svyazi s zhalobami grazhdan S.G. Ablamskogo, O.B. Lobashovoj i V.K. Matveeva // Sobranie zakonodatel'stva. 2007. № 22. St. 2686.

[3] Postanovlenie Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii ot 27 iyunya 2000 g. № 11-P «Po delu o proverke konstitucionnosti polozhenij chasti pervoj stat'i 47 i chasti vtoroj stat'i 51 Ugolovno-processual'nogo kodeksa RSFSR v svyazi s zhaloboj gr. V. I. Maslova» // Sobranie zakonodatel'stva RF. 2000. № 27. St. 2882.

[4] Grishin A.V. Osobennosti doprosa jeksperta v sude // Evrazijskaja advokatura. 2015. № 1 (14). - S. 26-30.

[5] Tarasov A.A. K voprosu o processual'nom statuse lica, v otnoshenii kotorogo osushhestvljaetsja ugolovnoe presledovanie // Evrazijskaja advokatura. 2015. № 2 (15). - S. 32-41.